

Сказки Гауфа. Карлик Нос

Господин! Как не правы те, кто думает, будто только во времена Гаруна аль-Рашида, владыки Багдада, водились феи и волшебники, и даже утверждают, будто в тех рассказах о проделках духов и их повелителей, что можно услышать на базаре, нет правды. Еще и в наши дни встречаются феи, и не так давно я сам был свидетелем одного происшествия, в котором принимали явное участие духи, о чем я и поведаю вам.

В одном крупном городе любезного моего отечества, Германии, много лет тому назад тихо и мирно жили сапожник с женой. Он сидел целый день на углу улицы и латал башмаки и туфли и даже тачал новые, если кто доверял ему эту работу, — но в таких случаях ему приходилось покупать раньше кожу, потому что он был беден и не держал запасов. Жена его торговала овощами и плодами, которые разводила в садике за городскими воротами, и люди охотно покупали у нее, потому что она одевалась опрятно и чисто и умела красиво разложить и показать лицом свой товар.

У этих скромных людей был красивый сынок, складный, пригожий лицом и для своего двенадцатилетнего возраста довольно крупный. Обычно он сидел подле матери в овощном ряду и охотно помогал хозяйкам и поварам, закупившим много всякого товара у сапожниковой жены, донести его до дому; и с такой прогулки он редко возвращался без красивого цветка, мелкой монеты или лакомства, потому что господам нравилось, когда повара приводили с собой красивого мальчика, и они всегда щедро его

награждали.

В один прекрасный день сапожникова жена сидела, по своему обыкновению, на базаре; перед ней стояли корзины с капустой и другими овощами, с различными травами и семенами, а в корзиночке поменьше лежали ранние груши, яблоки и абрикосы. Сынок ее Якоб, так звали мальчика, сидел около и звонким голосом выкрикивал: «Пожалуйста, господа, взгляните, что за чудесная капуста, что за душистые травы! Покупайте, хозяйки, ранние груши! Кому ранние яблоки и абрикосы! Мать торгует без запроса». Так выкрикивал мальчик. По базару как раз проходила старуха, оборванная и в лохмотьях; у нее было остренькое личико, от старости все сморщенное, красные глаза и острый нос крючком чуть не до самого подбородка; она шла, опираясь на длинную клюку, и все же было непонятно, как она передвигается; она ковыляла, хромала, спотыкалась; казалось, ноги у нее на шарнирах и она вот-вот полетит кувырком и стукнется острым носом о мостовую.

Сапожникова жена внимательно оглядела старуху. Уже шестнадцать лет сидела она ежедневно тут на базаре и ни разу еще не видала этой старой карги. Но она невольно испугалась, когда та заковыляла прямо к ней и остановилась у корзин.

— Вы Ганна, торговка овощами? — спросила старуха противным хриплым голосом, все время тряся головой.

— Да, это я, — ответила сапожникова жена, — вам что угодно?

— Посмотрим, посмотрим! Поглядим травку, поглядим травку, есть ли у тебя то, что мне надобно, — ответила старуха, нагнулась к корзинам и стала рыться коричневыми уродливыми руками в корзине с травами; длинными паучьими пальцами хватала она травы, разложенные так красиво и аккуратно, затем подносила одну за другой к длинному носу и обнюхивала со всех сторон. У жены сапожника надрывалось сердце при виде того, как старуха перебирает редкие травы; но она не смела ничего сказать, ведь выбирать товар — право покупателя, да, кроме того, она испытывала какой-то непонятный страх перед этой женщиной. Перерыв всю корзину, та пробормотала: «Дрянь, а не товар, дрянь, а не травы, ничего, что мне надобно; пятьдесят лет тому назад куда лучше было; дрянь, а не товар, дрянь, а не товар!»

Такие речи рассердили Якоба.

– Послушай, старуха, где у тебя совесть? – сердито крикнул он.

– Сначала копаешься своими противными коричневыми пальцами в прекрасных травах и мнешь их, потом суешь себе под длинный нос, никто, кто это видел, их теперь не возьмет, а потом еще ругаешь наш товар дрянью, а у нас ведь покупает повар самого герцога.

Старуха покосилась на бойкого мальчугана, противно хихикнула и прохрипела:

– Так, так, сыночек! Значит, тебе не нравится мой нос, мой красивый длинный нос? погоди, у самого такой посреди лица вырастет и вытянется до самого подбородка. – С этими словами она заковыляла к другой корзине, в которой лежала капуста. Выбрала самые красивые белые кочаны и давила и жала их так, что они кряхтели, затем кое-как побросала в корзину и опять сказала: «Дрянь, а не товар, дрянь, а не капуста!»

– Не трясись так противно головой, – испуганно закричал мальчуган. – Шея-то у тебя не толще капустной кочерыжки, того и гляди, подломится, а тогда твоя голова полетит прямо в корзину! Где нам тогда найти покупателя на свой товар?

– Так тебе не нравятся тонкие шеи? – хихикая, пробормотала старуха. – Ну так у тебя совсем шеи не будет: голова уйдет в плечи, чтобы как-нибудь не свалиться с тщедушного тельца.

– Не болтайте всякого вздора с мальчуганом, – сказала наконец сапожникова жена, рассердившись, что та все только щупала, разглядывала и обнюхивала, – а ежели вам что надобно, так поторопитесь, а то вы разогнали других покупателей.

– Ладно, будь по-твоему, – воскликнула старуха, злобно взглянув на нее, – я куплю у тебя эти шесть кочанов; но ты видишь, я опираюсь на клюку и не могу ничего нести; позволь твоему сыночку донести мне товар до дому, а я его отблагодарю. Мальчугану не хотелось идти, и он заплакал, потому что боялся безобразной старухи, но мать строго приказала ему слушаться, так как считала грехом взвалить на старую немощную женщину такую поклажу; хныча, послушался он матери, сложил кочаны в корзину и пошел по базару за старухой.

Дело шло у нее не очень-то быстро, и понадобилось добрых три

четверти часа, чтобы дойти до отдаленной части города, где она остановилась перед ветхой хибаркой. Тут она вытащила из кармана старый ржавый крючок, ловко вставила его в замочную скважину, и дверь с громким треском растворилась.

Но как удивился Якоб, когда вошел в дом! Внутри все было великолепно убрано, потолок и стены облицованы мрамором, вещи все из дорого черного дерева с инкрустацией из золота и полированных камней, пол из стекла, и такой гладкий, что мальчуган поскользнулся и упал. А старуха вытащила из кармана серебряную дудочку и стала насвистывать песенку, которая пронзительно разносилась по всему дому. И сейчас же по лестнице спустились морские свинки; Якобу показалось очень странным, что они ходят прямо на задних лапках, что скорлупки от орехов заменяют им башмаки, что одеты они в человеческую одежду, а на головах носят самые новомодные шляпы.

— Ах вы, мразь негодная... Куда вы девали мои туфли? — прикрикнула старуха и швырнула в них клюкой, да так, что они завизжали и подскочили. — Долго мне еще здесь стоять?

Они быстро запрыгали вверх по лестнице и вернулись с двумя скорлупами кокосового ореха, обшитыми внутри кожей, и ловко надели их старухе на ноги.

Хромоты и ковыляния как не бывало. Она отбросила клюку и очень быстро заскользила по стеклянному полу, таща за руку Якоба. Наконец старуха остановилась в комнате, в которой было много всякой утвари, так что она, пожалуй, походила на кухню, хотя столы красного дерева и диваны, застланные роскошными коврами, больше подобали парадным апартаментам.

— Садись, сынок, — очень ласково сказала старуха, запихивая его в угол дивана и задвигая столом, чтобы он не мог вылезть.

— Садись, человечесьи головы не такие уж легкие, да, не такие уж легкие.

— Что-то я вас, бабушка, не пойму, — воскликнул мальчуган. — Я правда застал, но нес-то я капустные головы, вы их купили у моей матери!

— Ну, это ты ошибаешься, — засмеялась старуха, подняла с корзины крышку и, схватив за вихор, вытащила оттуда человеческую голову.

Мальчуган опешил; от страха он не мог понять, что случилось, но сразу подумал о матери: если прослышат про человечесьи головы, решил он, то станут, конечно, винить мою мать.

– погоди, я дам тебе что-то в награду за то, что ты такой послушный, – пробормотала старуха, – потерпи минутку, сейчас сварю тебе такого супцу, что ты его всю жизнь помнить будешь.

Она сказала и снова свистнула. Сначала прибежало много морских свинок, одетых по-человечьи; на них были повязаны кухонные фартуки, а за пояс заткнуты уполовники и кухонные ножи; вслед за ними прибежала вприпрыжку толпа белок; ходили они на задних лапках, на них были широкие шаровары, а на голове зеленые бархатные шапочки. Должно быть, это были поварята, потому что они очень быстро взбирались вверх по стенам и спускались оттуда со сковородками и мисками, с яйцами и маслом, травами и мукой и несли все это к очагу; а возле то и дело сновала взад и вперед старуха в своих туфлях из скорлупы кокосовых орехов, и мальчуган видел, что она очень старается сварить ему суп повкусней. Теперь огонь затрещал веселей, сковорода задымилась и зашипела, в комнате распространился вкусный запах, а старуха все бегала взад и вперед, и белки и морские свинки вслед за ней, и каждый раз, как она проходила мимо очага, она совала свой длинный нос в котелок. Наконец все закипело и заклокотало, от котелка повалил пар, а пена брызнула на огонь. Тогда она сняла котелок, вылила содержимое в серебряную миску и поставила ее перед Якобом.

– Так, сынок, так, – сказала она, – вот покушай супцу и получишь все, что тебе так во мне понравилось! Станешь сам искусным поваром, ведь надо же чем-то быть, а вот травки, травки-то тебе нипочем не найти; отчего не было ее в корзине у твоей матери?

Мальчуган не понимал как следует, что она говорит, тем усерднее принялся он за суп, уж очень он ему понравился. Мать не раз потчевала его лакомыми кушаньями, но ничего еще не приходилось ему так по вкусу. Суп был кисло-сладкий и очень наваристый, от него исходил тонкий запах трав и корней. Пока он доедал последние капли превосходного яства, морские свинки зажгли арабское куренье, от которого по комнате пошли

голубоватые клубы дыма. Клубы эти все сгущались и сгущались и оседали; аромат курения действовал на мальчугана, как дурман; каждый раз, как он приходил в себя, вспоминал, что пора к матери, и хотел встать, он снова погружался в дремоту, а под конец и вправду заснул на диване у старухи.

Странные сны привиделись мальчику. Ему чудилось, будто старуха сняла с него одежду и облекла его в беличью шкурку. Теперь он мог прыгать и лазить не хуже белки; он познакомился с остальными белками и морскими свинками, народом весьма учтивым и благонравным; вместе с ними нес он службу у старухи. Сначала он допускался только до обязанностей чистильщика сапог, то есть он должен был смазывать маслом и начищать до блеска кокосовые орехи, которые старуха носила вместо башмаков. С этим делом он справлялся ловко, так как в отцовском доме его не раз засаживали за такую работу; приблизительно через год – снилось ему дальше – он был допущен до более тонкой работы: ему приказано было вместе с другими белками ловить пылинки, плясавшие в солнечном луче, а наловив достаточное количество, просеивать их через частое сито. Хозяйка считала солнечные пылинки за самое что ни на есть нежное на свете, а потеряв последние зубы, она не могла жевать как следует, и потому ей пекли хлеб из солнечных пылинок.

Еще через год его перевели в число тех слуг, что собирали питьевую воду для старухи. Не подумайте, что она приказала вырыть колодец или поставить во дворе бочку для дождевой воды; их работа требовала куда больше искусства: белки, а с ними и Якоб, скорлупками лесных орехов вычерпывала росу из роз – она-то и служила старухе питьевой водой. А старуха пила весьма много, поэтому водоносам приходилось туго. Через год его приставили к работе по дому; на нем лежала обязанность держать в чистоте полы, а так как они были стеклянными и на них заметно было даже дыхание, то работа эта была нелегкая. Они терли полы щетками и, привязав к ногам старую суконку, ловко скользили по комнате. На четвертый год он был наконец определен на кухню. Это была почетная должность, до которой допускали только после долгих испытаний. Там Якоб из поваренка дослужился до старшего повара-паштетника и приобрел такой

огромный опыт и умение во всем, касающемся поварского искусства, что часто сам себе дивился; все он постиг, всему научился, быстро и вкусно готовил самые замысловатые кушанья, паштеты, в которые входили двести разных приправ, овощные супы из всех существующих на свете травок.

Так протекли на службе у старухи лет семь; и вот как-то раз она собралась уходить, сняла свои кокосовые башмаки, вооружилась корзиной и клюкой, а ему приказала ощипать курочку, нафаршировать травами и, вкусно подрумянив, зажарить к ее приходу. Он приготовил ее по всем правилам поварского искусства. Свернул шею, ошпарил кипятком, ловко ощипал, поскоблил кожу, так что та стала гладкой и нежной, и выпотрошил курочку.

Потом принялся собирать травы для начинки. На этот раз он увидал в кладовой, где хранились травы, стенной шкафчик с приоткрытыми дверцами, которого он раньше не замечал. Любопытствуя узнать, что в нем, подошел он поближе, – и глядь! – там стояло много корзиночек, от которых исходил приятный крепкий запах. Он открыл одну и нашел травки совсем особой формы и цвета. Стебель и листья были голубовато-зеленые, а на конце сидел огненно-красный цветочек с желтой каймой; в раздумье разглядывал и нюхал он цветок, от которого струился тот же крепкий аромат, которым благоухал суп, сваренный ему когда-то старухой. Но запах был так силен, что он чихнул, стал чихать сильнее и наконец совсем расчихался и проснулся.

Он лежал на старухином диване и с удивлением оглядывал комнату. «И привидятся же такие сны, прямо как наяву, – подумал он. – Я мог бы поклясться, что я – жалкая белочка, вожу дружбу с морскими свинками и прочим зверьем и что в то же время я стал искусным поваром. Ну и посмеется же матушка, когда я ей все это расскажу! Только, пожалуй, она заругает меня, что я заснул у чужих и не помогаю ей на рынке». При этой мысли он поднялся, собираясь уходить; все тело у него еще одеревенело от сна, особенно шея, – он не мог как следует вертеть головой; он даже сам на себя усмехнулся, что он такой сонный, никак не придет в себя и то и дело тыкается носом в шкаф или в стену, а когда быстро обернется, задевает носом о

дверной косяк. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, словно хотели увязаться за ним; уже стоя на пороге, он позвал их с собой, ведь это были такие славные зверюшки. Но они быстро покатались на своих ореховых скорлупках обратно в дом, и только издали доносился их визг.

Старуха завела его в довольно отдаленную часть города, и он едва выбрался из узких улочек, да к тому же там еще была толчея, потому что, как ему сдавалось, где-то поблизости появился карлик; то и дело слышались крики: «Эй, взгляните-ка на уродца-карлика! Откуда взялся такой карлик? Ну и длинный же у него нос, а голова совсем ушла в плечи, а руки-то какие темные и безобразные!» В другое время он и сам побежал бы за народом, потому что больше всего на свете любил глазеть на великанов и карликов или на необычайные заморские наряды, но сейчас ему надо было торопиться к матери.

Когда он пришел на базар, на него напал страх. Мать сидела еще там, и в корзинке у нее было порядочно товара, значит, он проспал не очень долго, но уже издали она показалась ему очень печальной: она не зазывала покупателей и сидела, подперев голову рукой, а когда он подошел поближе, ему почудилось, будто она бледнее обычного. Он медлил, не зная, как поступить; наконец собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил ей руку на плечо и сказал:

– Матушка, тебе нездоровится? Ты сердишься на меня?

Женщина обернулась, но тут же отпрянула с криком ужаса.

– Чего тебе от меня надобно, противный карлик! – воскликнула она. – Ступай, ступай прочь! Терпеть не могу глупых шуток!

– Но что с тобой, матушка? – спросил перепуганный Якоб. – Тебе, верно, неможется, почему ты гонишь прочь своего сына?

– Сказала тебе, ступай своей дорогой! – раздраженно ответила Ганна. – С меня ты, мерзкий урод, своим кривляньем ничего не заработаешь.

«Верно, бог лишил ее разума, – в страхе подумал малыш. – Что мне теперь делать, как довести ее до дому?»

– Милая маменька, приди в себя, посмотри на меня хорошенько, – я ведь твой сын, твой Якоб.

– Нет, теперь шутка становится слишком наглой, – крикнула

Ганна, обращаясь к соседке, – вы только взгляните на уродо-карлика, стоит тут и отпугивает всех покупателей, да еще смеет издеваться над моим горем. Говорит – я твой сын, твой Якоб! Ах он бесстыдник!

Тут всполошились все соседки и принялись ругаться изо всех сил – а рыночные торговки, сами знаете, ругаться горазды – и напали на него за то, что он издевается над несчастьем бедной Ганны, у которой семь лет тому назад украли сына – писаного красавца, и стали грозиться, что все вместе набросятся на него и исцарапают, если он не уберется подобру-поздорову.

Бедняжка Якоб не знал, что и подумать. Ведь он же, как ему сдавалось, сегодня утром пошел, по обыкновению, с матерью на базар, помог ей разложить фрукты, затем пошел со старухой к ней домой, покушал супцу, вздремнул немножко и теперь вот вернулся на базар, а мать и соседки говорят о семи годах. А его называют мерзким карликом! Что же это такое с ним приключилось? Когда он понял, что мать и слышать о нем не хочет, на глазах у него выступили слезы, и он печально побрел к лавчонке, где отец целый день чинил башмаки. «Увидим, – думал он, – признает ли он меня; я стану в дверях и заговорю с ним». Подойдя к сапожнику, он стал у двери и заглянул в лавчонку. Хозяин так рьяно трудился над своей работой, что не заметил его; но, случайно взглянув на дверь, он уронил на пол башмак, дратву и шило и в ужасе закричал: «Господи боже мой, да что это такое, что такое!»

– Добрый вечер, хозяин! – сказал малыш, входя в лавку. – Как поживаете?

– Плохо, плохо, господинчик! – ответил отец, к большому удивлению Якоба; выходит, что отец его тоже не знает. – Работа не спорится. Я один и старею, а взять подмастерье не по карману.

– А разве нет у вас сыночка, который бы понемножку помогал вам в работе? – выводывал карлик.

– Был у меня сынок, звали его Якобом, теперь бы он был статным, ловким двадцатилетним юношей и мог бы здорово подсобить мне. Да, вот это была бы жизнь! Уже в двенадцать лет он был смысленным, умелым мальчишкой и разбирался в моем

ремесле, а уж какой красавчик, какой учтивый! Он привлек бы заказчиков, так что скоро я бы уже не чинил башмаки, а только тачал бы новые! Но так уж ведется на свете!

— А где же ваш сын? — дрожащим голосом спросил он отца.

— Бог ведает, — ответил тот, — семь лет тому назад — да, теперь уже с той поры утекло столько времени — его украли у нас на базаре.

— Семь лет тому назад! — в ужасе воскликнул Якоб.

— Да, крохотный мой господинчик, семь лет; как сейчас помню, пришла жена домой, вся в слезах, и, громко рыдая, сказала, что весь день напрасно прождала мальчика; она всех расспрашивала, всюду его разыскивала, но так и не нашла сына. Я всегда думал, всегда говорил, что так случится; Якоб был красивым ребенком, это надо признать, и жена им гордилась, ей льстило, когда его хвалили, и часто она посылала его с овощами и всякой всячиной к знатым господам. Это было не плохо, — каждый раз его щедро одаривали; но я говорил ей: смотри! Город велик, в нем живет много недобрых людей, смотри за Якобом. Как я говорил, так оно и вышло. Приходит как-то раз на базар уродливая старуха, приценивается к фруктам и овощам и покупает под конец столько, что не может сама донести до дому. У жены моей сердце отзывчивое, она отпустила с ней мальчишку — и с тех пор его так и не видали.

— И вы говорите, тому уже семь лет?

— Весною будет семь. Мы объявили о нем, ходили из дома в дом и всюду расспрашивали; многие знали и любили красавчика-мальчика и вместе с нами искали его, — все напрасно. Женщину, купившую овощи, тоже никто не знал, — только одна дряхлая старушонка, прожившая девяносто лет, сказала, что это, пожалуй, злая волшебница Травозная, которая раз в пятьдесят лет приходит в город за всякими закупками.

Так рассказывал отец Якоба и при этом громко стучал по башмаку и обеими руками вытягивал дратву. Маленькому человечку постепенно стало ясно, что с ним случилось; он не во сне, а наяву семь лет прослужил в белках у злой волшебницы. Сердце разрывалось от гнева и горя. Старуха украла у него семь лет юности, а что получил он взамен? Навострился наводить глянец

на туфли из кокосовых орехов да держать в чистоте комнату с зеркальным полом? Научился у морских свинок тайнам поварского искусства?

Он простоял некоторое время, раздумывая над своей участью; в конце концов отец спросил его:

– Может быть, вам угодно мне что-либо заказать, молодой человек? Пару новых туфель или, – прибавил он, усмехаясь, – может быть, футляр себе на нос?

– Почему вам дался мой нос? – спросил Якоб. – К чему мне футляр на него?

– Ну, кому что нравится, – возразил башмачник, – но должен сказать, будь у меня такой страшный нос, я бы заказал на него футляр из розовой лакированной кожи. Вот взгляните, у меня как раз под рукой хороший лоскут; правда, на футляр пойдет не меньше локтя, но зато как бы это вас уберегло, крохотный господинчик: я уверен, вы натываетесь на всякий дверной косяк, на всякую повозку, когда хотите уступить ей дорогу.

Крохотуля онемел от страха; он потрогал свой нос – нос был толстый, и в длину не меньше двух пядей! Значит, старуха переменила ему наружность, потому-то мать и не узнала его, потому-то и обзывали его уродцем-карликом!

– Хозяин! – обратился он, чуть не плача, к сапожнику. – Нет ли у вас под руками зеркала, чтобы мне поглядеться?

– Сударь, – серьезно ответил отец, – не такая наружность досталась вам, чтобы ею любоваться, и незачем вам то и дело глядеться в зеркало. От этого следует отвыкать: у вас такая привычка особенно смешна.

– Ах, дайте мне взглянуть в зеркало, – воскликнул карлик, – уж конечно, дело тут не в любовании собой!

– Оставьте меня в покое; нет у меня зеркала; у жены был осколок, да не знаю, куда она его запрятала. А уж ежели вам обязательно нужно поглядеться в зеркало, то через улицу живет Урбан, брадобрей, у него есть зеркало в два раз больше вашей головы; поглядитесь в него, а пока будьте здоровы!

С этими словами отец осторожненько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь и снова сел за работу. А Якоб, совсем убитый, перешел через улицу к брадобрею Урбану, которого

помнил еще с прежних времен.

– Доброе утро, Урбан, – сказал он, – я пришел попросить вас о любезности, будьте так добры и позвольте мне поглядеться у вас в зеркало.

– С удовольствием, вон оно там стоит, – воскликнул, смеясь, брадобрей, и его посетители, ожидавшие, когда он подстрижет им бороду, тоже громко расхохотались.

– Вы и впрямь красавчик, стройный и складный, шея – как у лебедя, руки – как у королевы, а другого такого хорошенького вздернутого носика и не сыщешь. Пожалуй, вы слишком им любуетесь, это верно; ну, ладно, поглядитесь, пусть не говорят про меня, будто я из зависти не позволил вам поглядеться у себя в зеркало!

Так сказал брадобрей, и вся цирюльня задрожала от хохота. Между тем карлик подошел к зеркалу и взглянул в него. Слезы выступили у него на глазах. «Да, милая маменька, – подумал он, – ты, конечно, не могла узнать своего Якоба. В ту счастливую пору, когда ты хвасталась мною перед людьми, наружность у меня была иная!» Сейчас глаза у него стали маленькими, как у свиньи, нос чудовищно вырос и навис надо ртом и подбородком, шеи будто и в помине не было, потому что голова ушла глубоко в плечи и ворочать ее из стороны в сторону ему было очень больно. Ростом он был все тот же, что и семь лет тому назад, когда ему было только двенадцать; но в то время как все прочие от двенадцати до двадцати растут в вышину, он рос в ширину, спина и грудь у него сильно выпятились и смахивали на небольшой, но туго набитый мешок. Толстое туловище сидело на слабеньких ножках, подгибавшихся под его тяжестью, зато руки были очень длинные, той же длины, что у взрослого мужчины, и болтались, как плети, кисти рук огрубели и потемнели, пальцы вытянулись по-паучьи, и, расправив их как следует, он мог, не нагибаясь, достать до полу. Вот каким стал маленький Якоб, – он превратился в уродливого карлика.

Теперь он припомнил то утро, когда старуха подошла на базаре к его матери. Всем, что он тогда осудил в ней – длинным носом, безобразными пальцами, – всем наделила она его, кроме длинной трясущейся шеи, шею она начисто упразднила.

– Ну что, мой принц, вдоволь нагляделись? – спросил брадобрей, подходя к нему и насмешливо его рассматривая. – Право, такой смешной наружности при всем желании и во сне не увидишь. Но у меня есть для вас предложение, крохотный человечек. Ко мне в цирюльню захаживает, правда, порядочно народу, но за последнее время не так много, как то было бы желательно. Причина тому та, что мой сосед, брадобрей Шаум, разыскал где-то великана, который привлекает к нему посетителей. Ну, чтобы вырасти великаном, большого умения не надобно, а вот стать человечком вроде вас, да, – это потруднее. Поступайте ко мне на службу, крохотный человечек, я поселю вас у себя, буду кормить, поить, одевать, обувать, – всего у вас будет вволю; за это вы должны стоять по утрам у меня перед дверью и зазывать ко мне народ, взбивать мыльную пену, подавать посетителям полотенце, и, уверяю вас, дела у нас пойдут неплохо; у меня посетителей будет больше, чем у соседа с великаном, а вам всякий охотно даст на чай.

Карлик был в душе возмущен предложением служить приманкой для брадобрея. Но ему пришлось стерпеть это оскорбление. Поэтому он совершенно спокойно ответил брадобрею, что не располагает временем для таких услуг, и побрел дальше.

Хотя злая старуха и испортила ему наружность, но нанести вред его разуму она не смогла – это он отлично чувствовал, потому что думал и чувствовал он не так, как семь лет тому назад, – нет, за это время он стал умнее, рассудительнее; его печалила не утрата былой красоты, не теперешнее его уродство, а то, что отец, словно собаку, прогнал его от своего порога.

Поэтому он решил еще раз попытать счастья у матери.

Он подошел к ней на базаре и попросил спокойно выслушать его. Он напомнил ей тот день, когда ушел со старухой, напомнил разные случаи из своего детства, потом рассказал, как семь лет прослужил в образе белки у колдуньи и в кого она его превратила за то, что он ее тогда осуждал.

Сапожникова жена не знала, что и думать. Все, что он рассказал о своем детстве, так на самом деле и было, но когда он стал уверять, будто в течение семи лет был белкой, она промолвила:

– Ну, этого быть не может, да и волшебниц не бывает. – И,

посмотрев на уродца-карлика, она возненавидела его и не могла поверить, что это ее сын. В конце концов она сочла за лучшее поговорить с мужем. Она собрала корзины и велела ему идти вместе с ней. Так и пришли они к лавчонке сапожника.

— Послушай, — сказала она ему, — вот этот человек утверждает, будто он наш потерянный Якоб. Он мне все рассказал, как семь лет тому назад его увела от нас и заколдовала злая волшебница.

— Ах, так! — в гневе воскликнул сапожник. — Вот что он тебе рассказал? Ну, подожди же ты у меня, негодник! С час тому назад я сам все ему рассказал, а он отправился морочить тебя! Так тебя заколдовали, сыночек? Подожди же, вот я тебя расколдую. — С этими словами он схватил связку ремней, которые как раз нарезал, подскочил к человечку и так вытянул его по высокому горбу и длинным рукам, что тот закричал от боли и с плачем убежал прочь.

В том городе, как, впрочем, и везде, мало сердобольных людей, готовых помочь бедному человеку, особенно если на его счет можно позабавиться.

Потому-то и не удалось бедняжке карлику за весь день поесть и попить, а когда стемнело, ему пришлось заночевать на церковной паперти, хотя она и была твердая и холодная.

Когда на следующее утро его разбудили первые лучи солнца, он серьезно задумался, чем ему жить, раз отец с матерью его прогнали. Чтобы служить вывеской брадобрею, он был слишком горд; подражаться в шуты и показываться за деньги он не хотел. Как жить? Тут ему пришло в голову, что, в бытность свою белкой, он сильно преуспел в поварском искусстве; не без основания полагал он, что может потягаться с любым поваром; он решил использовать свое поварское искусство.

Как только улицы оживились и утро окончательно вступило в свои права, он вошел в церковь и помолился. Затем пустился в путь. Герцог, владетель той страны, — о, господин, — был известный объедала и лакомка, любил сладко покушать и выписывал поваров со всех частей света. К его-то дворцу и отправился крохотуля. У внешних ворот привратники спросили, что ему надобно, и принялись всячески потешаться над ним; он же потребовал обер-гоф-повара. Смеясь, повели они его через внешние дворы, и

всюду, где он появлялся, слуги оставляли работу, глазели на него, громко хохотали и присоединялись к ним, так что под конец по лестнице дворца шествовала процессия слуг всякого рода; конюхи отбросили свои скребницы, скороходы бежали со всех ног, слуги, приставленные к коврам, позабыли выколачивать ковры, — все толкались и спешили; поднялась такая давка, словно к воротам подступил враг, в воздухе стоял крик: «Карлик, карлик! Видали карлика?»

Тут в дверях появился смотритель дворца, лицо у него было сердитое, а в руках он держал огромный бич.

— Побойтесь бога, собаки проклятые! Чего расшумелись! Разве не знаете, что герцог изволит еще почивать? — И при этих словах он размахнулся бичом и весьма неласково прошелся им по спинам конюхов и привратников.

— Господин, — закричали они, — разве вы не видите? Мы привели карлика, такого карлика, какого вы и не видывали.

Заметив человечка, смотритель дворца приложил все старания, чтобы не рассмеяться, ведь он боялся, как бы смех не повредил его достоинству.

Поэтому он разогнал бичом толпу слуг, а человечка повел в дом и спросил, чего ему надобно. Когда же услышал, что тот добивается обер-гоф-повара, он возразил:

— Ты, сыночек, ошибаешься, тебе нужен я, смотритель дворца, ты собираешься поступить в придворные карлики к герцогу, не так ли?

— Нет, господин! — ответил карлик. — Я умелый повар, сведущий во всяких редкостных яствах, соблаговолите отвести меня к обер-гоф-повару, может быть, мое искусство ему пригодится.

— Как угодно, крохотуля, но ты легкомысленный человек. На кухню захотел! Если ты поступишь в придворные карлики, работать тебе не придется, есть и пить будешь всласть, одежду носить богатую. Увидим, навряд ли у тебя хватит умения, чтобы стать придворным поваром герцога, а для поваренка ты слишком хорош. — С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повел в покои обер-гоф-повара герцогской кухни.

— Государь мой, — сказал карлик и поклонился так низко, что коснулся носом пола. — Не требуется ли вам искусный повар?

Обер-гоф-повар оглядел его с головы до пят, затем громко расхохотался.

— Как, ты повар? — воскликнул он. — Так, по-твоему, очаг у нас такой низкий, что ты сможешь заглянуть в котелок, став на цыпочки и как можно сильнее вытянув шею? Ах ты, козявочка! Тот, кто послал тебя наниматься ко мне в повара, посмеялся над тобой. — Так сказал обер-гоф-повар и громко расхохотался, а за ним захохотали и смотритель дворца, и все слуги, бывшие в комнате.

Но карлик не смутился.

— Не обеднеет такой дом, где всего вдоволь, от двух-трех яичек, чуточки сиропа и вина, муки и пряностей, — сказал он. — Дозвольте мне изготовить лакомое кушанье, предоставьте все, для того потребное, и я тут же у вас на глазах его состряпаю, вот тогда вы скажете; «Он с полным правом может быть поваром». Такие и подобные им речи вел человек, и странное впечатление производили его сверкающие глазки, качавшийся из стороны в сторону длинный нос и движения тоненьких паучьих пальцев, сопровождавшие его слова.

— Так и быть! — воскликнул заведующий кухней и взял под руку смотрителя дворца. — Так и быть, согласен, шутки ради; идемте на кухню.

Они прошли по залам и галереям и, наконец, добрались до кухни. Это был обширный покой, замечательно устроенный: в двадцати очагах постоянно пылал огонь, посреди бежал прозрачный ручей, служивший также садком для рыб; в шкафах из мрамора и редких сортов дерева стояли запасы, которые всегда должны быть под рукой, а по правую и по левую сторону находилось десять зал, где было припасено все, что только знали вкусного и лакомого во всех странах Франкистана и даже на Востоке. Кухонная челядь сновала взад и вперед, звенела кастрюлями и сковородками, управлялась с вилками и шумовками; но когда на кухню пришел обер-гоф-повар, все замерли на месте, и было только слышно, как трещит огонь и журчит ручеек.

— Что сегодня заказал на завтрак наш повелитель? — спросил обер-гоф-повар старого повара, великого искусника в изготовлении завтраков.

– Герцог соизволили заказать датский суп с красными гамбургскими фрикадельками!

– Хорошо, – продолжал обер-гоф-повар. – Ты слышал, что угодно откусать нашему повелителю? Дерзнешь ли ты изготовить эти замысловатые яства? С фрикадельками тебе нипочем не справиться, – их приготовление наш секрет.

– Нет ничего легче, – к общему удивлению, ответил карлик (в бытность свою белкой он не раз готовил эти кушанья), – нет ничего легче, выдайте мне для супа такие-то и такие-то травы, такие-то и такие пряности, кабаньего сала, кореньев и яиц; а для фрикаделек, – сказал он тихо, так, чтобы его слышали только обер-гоф-повар и повар, приставленный к завтракам, – для фрикаделек мне требуется различного сорта мясо, немножко вина, утиный жир, имбирь и некая травка, которая зовется «утехой для желудка».

– Клянусь святым Бенедиктом! У какого волшебника ты обучался?

– с удивлением воскликнул повар. – Ты назвал все до капельки, а про травку, что зовется «утехой для желудка», мы и сами не слышали, – она, должно быть, придает особо приятный вкус. Ах, ты – чудо-повар!

– Этого я никак не ожидал, – сказал обер-гоф-повар. – Итак, приступим к испытанию: дать ему все, чего он требует, посуду и все прочее, и пусть стряпает завтрак.

Как он приказал, так и сделали, и принесли все, что он просил; но тут оказалось, что карлик едва мог достать носом до очага. Поэтому придвинули два стула, положили на них мраморную доску и предложили чудо-человечку показать свое искусство. Повар, поварята, слуги и прочая челядь окружили его широким кольцом, смотрели на него и дивились, как быстро и ловко он управляется, как чисто и красиво все готовит. Покончив с приготовлениями, он приказал поставить оба котелка на огонь и кипятить до тех пор, пока он не скажет; затем он принялся считать: раз, два, три и так далее и, сосчитав до пятисот, крикнул: «Хватит!» Горшки сняли с огня, и карлик попросил обер-гоф-повара отведать.

Гоф-повар повелел поваренку подать ему золотую ложку, ополоснул ее в ручье и передал обер-гоф-повару; тот с

торжественным видом подошел к очагу, зачерпнул, отведал кушанья, закатил глаза, прищелкнул от удовольствия языком и промолвил:

– Восхитительно, жизнью герцога клянусь – восхитительно! Не угодно ли вам тоже проглотить ложечку, господин смотритель дворца?

Тот поклонился, взял ложку, отведал кушанья и не мог опомниться от удовольствия и радости.

– Вы умелый повар, дорогой мой повар по герцогским завтракам, но, при всем моем уважении к вашему искусству, должен сказать, что ни суп, ни гамбургские фрикадельки никогда не удавались вам столь замечательно!

Теперь попробовал и герцогский повар по завтракам, затем он почтительно пожал карлику руку и сказал:

– Да, человечек, ты мастер своего дела, а травка «утеха для желудка» придает всему совершенно особую прелесть.

Тут в кухню вошел герцогский камердинер и возвестил, что его господин требует завтрак. Кушанья понесли герцогу в серебряной посуде, а обер-гоф-повар повел карлика к себе и начал с ним беседовать. Но не прошло даже столько времени, сколько надобно, чтобы прочитать «Pater noster»[*] (это франкская молитва, о повелитель мой, и она вдвое короче молитвы правоверных), как пришел посланец и позвал обер-гоф-повара к герцогу. Он быстро переоделся в парадное одеяние и последовал за посланным.

Герцог, казалось, был очень доволен. Он скушал все, что ему было подано, и как раз утирал усы.

– Послушай, заведующий моей кухней, – сказал он, – до сего дня я всегда бывал очень доволен твоими поварами, но скажи, кто приготовил завтрак сегодня? С тех пор как я сижу на престоле отцов, я еще ни разу не едал такого вкусного; доложи, как зовут этого повара, и мы даруем ему в награду несколько дукатов.

– Господин мой! Это удивительная история, – ответил обер-гоф-повар и рассказал, как сегодня рано поутру привели к нему карлика, который во что бы то ни стало хотел стать поваром, и про все, что случилось потом.

Герцог очень удивился, призвал карлика и спросил его, кто он и откуда. Бедный Якоб не мог, разумеется, сказать, что был заколдован и служил в виде белки. Но он не погрешил против истины, поведав, что остался без отца с матерью, а готовить обучился у одной старухи. Герцог не стал его расспрашивать, а предпочел позабавиться необыкновенной наружностью своего нового повара.

— Если хочешь остаться у меня, — сказал он, — я прикажу ежегодно выдавать тебе пятьдесят дукатов, нарядное платье и сверх того две пары штанов. А ты будешь обязан ежедневно самолично стряпать мне завтрак, указывать поварам, как приготовить обед, и вообще заниматься моим столом.

Каждый у меня во дворце получает какое-нибудь прозвище, ты будешь зваться «Носом» и будешь возведен в чин младшего гоф-повара.

Карлик Нос пал ниц перед могущественным герцогом франкской земли, облобызал ему ноги и обещал служить верой и правдой.

Итак, на первое время человечек пристроился и с честью стал выполнять свои обязанности. И можно сказать, что герцог сделался совсем другим человеком, с тех пор как карлик Нос поселился у него в доме. Прежде он часто изволил привередничать, и в голову поварам летели миски и блюда, которые ему подавали, — даже самому обер-гоф-повару запустил он, разгневавшись, жесткой пережаренной телячьей ногой прямо в лоб с такой силой, что тот свалился и три дня пролежал в постели. Правда, герцог обычно искупал то, что натворил в запальчивости, несколькими пригоршнями дукатов, и все же повара всегда подавали ему кушанья с оглядкой да с опаской. С тех пор как карлик поселился у него в доме, все как по волшебству изменилось. Герцог кушал вместо трех пять раз на день, чтобы вдосталь насладиться искусством самого маленького из своих слуг, и все же никогда у него на лице не появлялось недовольной гримасы. Наоборот, все казалось ему новым и отличным на вкус; он стал ласковым и обходительным и жирел с каждым днем.

Часто во время обеда приказывал он позвать обер-гоф-повара и карлика Носа, сажал одного от себя по правую, другого по левую

руку и собственными пальцами клал им в рот лакомые кусочки, милость, которую оба умели весьма ценить.

Карлику дивился весь город. У старшего заведующего герцогской кухней испрашивали позволения поглядеть, как готовит карлик, а некоторым особенно знатным вельможам удалось выпросить у герцога разрешения для своих слуг пользоваться на кухне уроками карлика, что давало тому немалые доходы, ведь каждый вельможа платил полдуката в день. А чтобы не портить хорошего настроения остальным поварам и не вызывать в них зависти, Нос отдавал им деньги, которые платили ему господа за обучение своих поваров.

Так прожил Нос почти два года внешне в довольстве и почете, и только мысль о родителях печалила его. Так он жил, пока не случилось следующего чудесного приключения. Карлик Нос умел выбрать товар, и покупки его были всегда удачны. Поэтому, если только позволяло время, на базар за птицей и овощами он ходил самолично. Как-то утром пошел он в гусиный ряд поискать жирных, откормленных гусей, которые были по вкусу его господину. Уже несколько раз прошелся он взад и вперед и осмотрел весь рынок. Здесь его появление не вызывало хохота и насмешек, – напротив того, он внушал всем глубокое уважение. Все знали, что это знаменитый придворный повар герцога, и каждая торговка гусями бывала счастлива, когда он поворачивал нос в ее сторону.

Вдруг он увидел в самом конце ряда в уголку женщину, тоже торговавшую гусями, но она не выхваляла свой товар по примеру прочих и не зазывала покупателей. Он подошел, пощупал гусей и попробовал их на вес. Ему были нужны как раз такие, и он купил трех вместе с клеткой, взвалил ее на свои широкие плечи и двинулся в обратный путь. Тут ему показалось странным, что только два гуся гоготали и кричали по-гусиному, а третий сидел смирно и печально и вздыхал и охал по-человечьи. «Гусыня-то занемогла, – подумал он, – надо поспешить прикончить и зажарить ее».

Но гусыня ответила ему явственно и громко:

Ну-ка,

Только уколи меня,
Мигом ущипну тебя.
Если же шею мне свернешь,
Долго сам не проживешь.

Карлик Нос в испуге поставил наземь клетку, а гусыня поглядела на него выразительными, умными глазами и вздохнула.

— Ну и дела! — воскликнул Нос. — Ваша милость гусыня умеют разговаривать? Вот уж не подумал бы. Но не извольте беспокоиться! Знания жизни у нас достаточно, и такую редкостную птицу мы не прикончим. Но готов побиться об заклад, вы не всегда изволили носить это оперенье. В свое время я тоже был жалкой белкой.

— Ты прав, — ответила гусыня, — я родилась не в этой презренной оболочке. Ах, мне, Мими, дочери великого чародея Веттербока, не пели у колыбели, что я кончу жизнь на герцогской кухне!

— Не извольте беспокоиться, душенька Мими, — утешал карлик. — Верьте, я честный человек, и, покуда я младший гоф-повар его светлости, никто не посмеет свернуть вашей милости шею. В собственных своих покоях отведу я вашей милости закуток, корма будете кушать вдосталь, свободное время я буду посвящать беседе с вами, а всей прочей кухонной челяди скажу, будто откармливаю для герцога гусыню особыми травами, и при первом же случае отпущу вашу милость на волю.

Гусыня поблагодарила его со слезами на глазах, карлик же сделал так, как обещал: зарезал двух гусей, а для Мими соорудил отдельный сарайчик под тем предлогом, что собирается особым образом откормить ее для герцога. Он и не давал ей обычного гусяного корма, а питал печеньем и сладкими блюдами. Как только у него выдавалось свободное время, шел он к ней разговаривать ее тоску. Они рассказывали друг другу свои приключения, и Нос узнал, что гусыня была дочерью волшебника Веттербока, живущего на острове Готланде. Он поссорился со старой феей, та своими кознями и коварством взяла над ним верх и из мести превратила его дочь в гусыню и перенесла сюда. Когда карлик Нос также поведал ей свою историю, она

промолвила:

– Нельзя сказать, чтобы я была несведущей в таких вещах. Отец наставил нас с сестрами, насколько это было в его власти. Из рассказа о ссоре у корзины с травами, о твоём внезапном превращении, когда ты понюхал травку, а также из отдельных слов старухи, которые ты мне передал, ясно, что ты околдован при посредстве трав, поэтому, если ты отыщешь травку, о которой думала старуха во время колдовства, то чары будут с тебя сняты.

Это, конечно, не могло послужить большим утешением для карлика: где было ему разыскать ту траву? Все же он поблагодарил ее и почерпнул в ее словах некоторую надежду.

Об эту же пору посетил герцога соседний владетельный князь, его друг.

Посему герцог призвал к себе карлика Носа и сказал:

– Пришло время доказать, что ты мастер своего дела и служишь мне верой и правдой. Князь, мой гость, как известно, кушает лучше всех, кроме меня; он большой знаток изысканной кухни и мудрый правитель. Позаботься же, чтобы ежедневно мой стол был уставлен яствами, которые каждый раз удивляли бы его все больше и больше. При этом, под страхом моей немилости, не моги, покуда он здесь, два раза подавать одно и то же блюдо. Зато разрешаю тебе требовать от моего казначея все, что тебе угодно. Бери даже золото и алмазы, буде тебе понадобится поджарить их в сале. Я соглашусь лучше стать бедняком, чем краснеть перед ним.

Так сказал герцог. Карлик же учтиво поклонился и молвил:

– Будь по слову твоему, о господин! Видит бог, я сделаю так, чтобы все пришлось по вкусу этому королю объедал.

Повар-крохотуля пустил в ход все свое искусство. Он не жалел сокровищ своего господина, но еще меньше щадил самого себя. Весь день хлопотал он у огня, окутанный облаком дыма, под сводами кухни неумолчно звенел его голос, ибо, как истый властелин, распоряжался он поварятами и младшими поварами...

– Повелитель, я мог бы последовать примеру алеппских погонщиков верблюдов, которые в тех сказках, что рассказывают путникам, повествуют о том, как вкусно едят их герои. Целый

час перечисляют они все яства, что тем подаются, и так возбуждают аппетит и даже сильнейший голод у своих слушателей, что те невольно развязывают свои припасы, устраивают трапезу и щедро кормят погонщиков верблюдов; но я поступлю не так.

Чужеземный владетельный князь две недели гостил у герцога и жил в роскоши и веселье. Они кушали не меньше пяти раз на дню, и герцог был доволен искусством карлика, потому что по лицу гостя видел, как тот доволен. Но на пятнадцатый день случилось герцогу позвать карлика к столу, он представил его своему гостю и спросил, доволен ли тот карликом.

– Ты замечательный повар, – ответил чужеземный властитель, – и понимаешь, что такое кушать прилично. За все время, что я здесь, ты ни разу не подал одного и того же блюда и готовил все весьма изрядно. Но скажи, почему не подаешь ты так долго короля кушаний – паштет Сузерен?

Карлик очень перепугался, потому что сейчас в первый раз услышал об этом короле паштетов, но он собрался с духом и сказал:

– О господин! Я надеялся, что еще долго будешь ты освещать своим присутствием нашу столицу, поэтому и не торопился. Ибо чем мог повар ознаменовать последний день твоего пребывания, если не королем всех паштетов?

– Так? – смеясь, возразил герцог. – А если говорить обо мне, ты, верно, ждал моей смерти, дабы ознаменовать так этот день? Ведь и мне ты тоже никогда не подавал этого паштета. По придумай чем-нибудь иным ознаменовать день расставания: этот паштет ты должен подать к столу уже завтра.

– Будь по слову твоему, господин мой! – ответил карлик и вышел.

Но вышел он нерадостный, чувствуя, что настал день его позора и несчастья: он не знал, как изготовить паштет. Поэтому он отправился к себе и стал плакаться на судьбу. Тут подошла к нему гусыня Мими, которой разрешалось ходить у него по комнате, и спросила, о чем он тужит.

– Уйми свои слезы, – сказала она, услышав о паштете Сузерен. – У моего отца это блюдо часто подавалось на стол, и я приблизительно знаю, что для него требуется. Возьми того и

другого, столько-то и столько-то, и если это и не совсем то, что, собственно, нужно, не беда, – вряд ли уж у нашего господина и его гостя столь тонкий вкус.

Так говорила Мими. Карлик же подпрыгнул от радости, благословил тот день, когда купил гусыню, и принялся за изготовление короля паштетов.

Сначала он сделал его на пробу, и – гляди-ка! – паштет вышел на славу, обер-гоф-повар, которому он предложил его отведать, снова стал расхваливать не знающее равных искусство Носа.

На следующий день запек он паштет в большей форме, украсил цветочными гирляндами и еще теплым, прямо с огня, отослал к столу. Сам же надел свою лучшую праздничную одежду и пошел в столовую. Как раз когда он входил, дворецкий разрезал паштет на ломти и подавал их на серебряной лопатке герцогу и его гостю. Герцог откусил с удовольствием большой кусок, возвел глаза к потолку и, прожевав, сказал:

– Ах, ах, ах, поистине, правильно называют этот паштет королем паштетов; но зато и мой карлик – король поваров; не так ли, дорогой друг?

Гость взял в рот несколько кусочков, тщательно распробовал и прожевал их, улыбаясь при этом насмешливо и загадочно.

– Кушанье приготовлено весьма умело, – ответил он, отодвигая тарелку, – но все-таки это не настоящий Сузерен, как я, собственно, и думал.

Тогда герцог гневно наморщил лоб и покраснел от стыда.

– Паршивая собака! – воскликнул он. – Как смел ты причинить мне, твоему господину, такое огорчение? Верно, хочешь, чтобы в наказание за плохую стряпню я повелел снести тебе голову?

– О господин мой! Ради всего святого, я приготовил это кушанье по всем правилам искусства, невозможно, чтобы чего-либо в нем недоставало, – дрожа, сказал карлик.

– Ты лжешь, мошенник! – возразил герцог и ногой отпихнул его.

– Будь так, гость не сказал бы, что чего-то недостает. Я прикажу изрубить тебя самого на кусочки и запечь в паштете.

– Сжальтесь! – воскликнул человечек, на коленях подполз к гостю и обнял его ноги. – Скажите, чего недостает этому кушанью и почему оно вам не по вкусу? Не дайте мне умереть из-

за горсти муки и мяса!

— Это тебе мало поможет, милый мой Нос, — ответил, смеясь, чужеземец, — я уже вчера знал, что тебе не приготовить этого кушанья так, как это делает мой повар. Знай — тут недостает некоей травки, о которой в вашем краю и не слыхивали, травки Вкусночихи; без нее в паштете нет остроты, и твоему господину никогда не есть его таким, каким ем его я.

Тут франкистанский герцог пришел в ярость.

— И все же я буду есть его в должном виде, — воскликнул он, сверкая глазами, — ибо, клянусь своей герцогской честью, завтра я представлю вам либо паштет по вашему вкусу, либо голову этого негодника, торчащую на пике у ворот моего дворца. Ступай прочь, паршивая собака, еще раз даю тебе сутки сроку!

Так воскликнул герцог; карлик же, плача, побрел к себе в спальню и принялся жаловаться гусыне на судьбу и на то, что ему не миновать смерти, ведь он никогда не слыхал об этой травке.

— В этой беде я могу тебе помочь, — сказала она. — Отец научил меня распознавать все травы. Правда, в другое время тебе не миновать бы смерти, но, по счастью, сейчас как раз новолуние, а об эту пору и цветет та травка. Скажи мне одно, — растут ли поблизости от дворца старые каштановые деревья?

— О да, — с облегчением ответил Нос, — у озера в двухстах шагах от дома их целая купа; но почему нужны именно эти деревья?

— Только у корней старых каштанов цветет эта травка, — сказала Мими, — поэтому нечего терять время попусту, поищем то, что тебе надобно: бери меня под мышку, а на воле спустишь наземь, — я поищу.

Он сделал, как ему было сказано, и вместе с ней направился к воротам дворца. Но там привратник преградил ему путь алебардой и сказал:

— Дорогой мой Нос, миновали твои золотые денечки: тебя не велено выпускать из дворца, на этот счет мне дано строжайшее предписание.

— Но в сад-то мне можно? — возразил карлик. — Будь так добр, пошли одного из твоих подручных к смотрителю дворца, пусть

спросит, можно ли мне пойти в сад поискать травы?

Привратник так и сделал, и разрешение было получено, ведь сад обнесен был высокой стеной, даже и думать нечего было улизнуть оттуда. Когда же Нос с гусыней Мими вышли на волю, он бережно спустил ее наземь, и она быстро побежала впереди него к озеру, где росли каштаны. Он следовал за ней, и сердце у него щемило, это же была его последняя, его единственная надежда; он твердо решил: если гусыня не отыщет нужной травки, лучше уж ему броситься в озеро, чем положить голову на плаху. Но тщетно искала гусыня: она бродила от дерева к дереву, перебирала клювом все травинки, но ничего не находила, и от жалости и страха она принялась плакать, ведь уже вечерело и различать предметы становилось все труднее.

Тут взоры карлика упали на ту сторону озера, и он крикнул:

– Погляди-ка, погляди, по ту сторону озера тоже растет развесистое старое дерево, – пойдем туда и поищем, может быть, там цветет мое счастье.

Гусыня запрыгала и полетела впереди него, а он пустился за ней следом во всю прыть своих коротких ножек: каштановое дерево отбрасывало большую тень, да и вообще уже стемнело, – почти ничего нельзя было разобрать; по вдруг гусыня остановилась, захлопала от радости крыльями, затем быстро сунула голову в высокую траву, сорвала что-то, грациозно подала в клюве удивленному Носу и сказала:

– Вот эта травка, и растет она здесь в изобилии, так что ты никогда не будешь терпеть в ней недостатка.

Карлик в раздумье разглядывал травку; от нее исходил пряный запах, который невольно напомнил ему сцену его превращения; стебли и листья были голубовато-зеленого цвета, а цветок огненно-красный с желтой каемкой.

– Слава богу! – наконец воскликнул он. – Вот так чудо! Знай же, по-моему, эта та самая трава, что превратила меня из белки в мерзкого урод. Не попытать ли мне счастья?

– погоди, – взмолилась гусыня. – Возьми с собой горсточку этой травки, вернемся к тебе, собери деньги и все твое добро, а тогда уж испытаем силу травы.

Так они и сделали и отправились обратно к нему в комнату, и

сердце у карлика громко колотилось от нетерпения. Он завязал в узелок пятьдесят – шестьдесят скопленных им дукатов, одежду и обувь.

– Если господу богу угодно, сейчас я разделаюсь с этой обузой, – сказал он, сунул нос глубоко в травы и вдохнул их аромат.

Тут он почувствовал, как у него вытягиваются и трещат все суставы, как из плеч подымается голова; он покосился на нос и увидел, что тот все укорачивается и укорачивается, почувствовал, как выпрямляются спина и грудь, как удлиняются ноги.

Гусыня смотрела и удивлялась.

– Ну и большой же ты, ну и красивый! – воскликнула она. – Слава богу, и следов не осталось от того, кем ты был!

Якоб очень этому обрадовался, сложил руки и помолился. Но при всей своей радости он не позабыл, сколь многим обязан гусыне Мими; хотя сердце и влекло его к родителям, благодарность превозмогла этого желание, и он сказал:

– Кому, как не тебе, обязан я тем, что мне даровано снова стать самим собой? Без тебя мне нипочем бы не сыскать этой травки, и, значит, я навсегда сохранил бы тот мерзкий облик, а может быть, даже сложил бы голову на плахе. Хорошо же, я не останусь в долгу. Я доставлю тебя к твоему отцу; он сведущ во всяком колдовстве и без труда снимет с тебя чары.

Гусыня заплакала от радости и согласилась на его предложение. Якобу с гусыней удалось неузнанными выбраться из дворца, и они пустились в путь к берегу моря – на родину Мими...

...О чем поведать мне дальше? О том, что они счастливо закончили свой путь; что Веттербок снял чары с дочери и, щедро оделив Якоба, отпустил его домой; что тот вернулся в свой родной город и что родители охотно признали в красивом юноше своего пропавшего сына; что на подарки, принесенные от Веттербока, он купил себе лавку и зажил счастливо и припеваючи?

Расскажу только, что после того как Якоб ушел из герцогского дворца, там поднялась страшная тревога: когда герцог на следующий день пожелал выполнить свою клятву и снести карлику голову, в случае если он не разыскал нужных трав, – того и след простыл; гость же утверждал, будто герцог тайком помог

ему улизнуть, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и обвинил его в нарушении клятвы. Отсюда возникла великая война между обоими властителями, хорошо известная в истории под названием «Травяная война»; было дано не одно сражение, но в конце концов, все-таки заключили мир, и этот мир называют у нас «Паштетным миром», ибо на пиршестве, в ознаменование примирения, повар владетельного князя изготовил Сузерен – короля паштетов, который пришелся герцогу весьма по вкусу.

Так часто незначительнейшие события приводят к крупным последствиям; вот, о господин, история карлика Носа.

Так рассказывал невольник из Франкистана. Когда он окончил, шейх Али-Бану велел подать ему и остальным рабам фрукты, дабы они подкрепились, и, пока они ели, беседовал со своими друзьями. А юноши, которых провел сюда старик, всячески расхваливали шейха, его дом и все убранство.

– Поистине, нет времяпрепровождения приятнее, чем слушать рассказчика, – сказал молодой писец. – Я мог бы целыми днями сидеть, поджав ноги, опершись локтем о подушки, подперев лоб рукою, а в другой руке, если б это было возможно, держа большой кальян шейха, и слушать, и слушать, – такой представляю я себе жизнь в садах Магомета.

– Пока вы молоды и сильны, – сказал старик, – не верю, чтобы вас на самом деле прельщала праздность. Но я согласен: слушая сказку, испытываешь своеобразное очарование. Несмотря на то, что я стар, а мне стукнуло семьдесят шесть лет, несмотря на то, что за свою жизнь я уже многого понаслушался, все же я никогда не пройду мимо, если на углу улицы сидит рассказчик, а вокруг собралось кольцо слушателей, я тоже подсяду к ним и послушаю. Сам переживаешь все приключения, о которых ведется рассказ, наяву видишь людей, духов, фей и весь окружающий их волшебный чудесный мир, который не повстречаешь в обыденной жизни, а потом, когда ты остался один, тебе есть что вспомнить, как запасливому путнику в пустыне есть чем утолить голод.

– Я никогда не задумывался, – вступил в разговор другой юноша, – над тем, в чем, собственно, кроется очарование этих историй. Но я испытываю то же, что и вы. Еще ребенком, когда я

капризничал, меня унимали сказкой.

Вначале мне было безразлично, о чем идет речь, только не прерывали бы рассказа, только были бы всякие приключения; мне не надоедало слушать басни, которые придумали мудрые люди, вложив в них крупицу собственной мудрости, – басни о лисе и глупой вороне, о лисе и волке, не один десяток рассказов о льве и прочем зверье. Когда я подрос и стал чаще бывать на людях, коротеньких побасенок мне уже было мало: теперь мне хотелось историй подлиннее, повествующих о людях с необычной судьбой.

– Да, мне тоже помнится та пора, – прервал его один из его друзей. – Любовь к рассказам всякого рода привил нам именно ты. Один ваш невольник умел нарасказать столько всякой всячины, сколько может наговорить погонщик верблюдов за путь от Мекки до Медины; покончив с работой, он усаживался на лужайке перед домом, и мы до тех пор приставали к нему, пока он не начинал свои рассказы, которые тянулись и тянулись, и так до темноты.

– И разве тогда перед нами не открывалась новая, неведомая страна, – отозвался писец, – царство гениев и фей, где в изобилии растут редкостные деревья, где стоят богатые дворцы из смарагдов и рубинов, населенные невольниками-исполинами, которые являются по первому зову, стоит только повернуть несколько раз кольцо, или потерять чудесную лампу, или вымолвить Соломоново слово, и подносят роскошные яства в золотых чашах? Мы невольно переселялись в ту страну, вместе с Синдбадом ходили в чудесные плаванья, вместе с Гаруном аль-Рашидом, мудрым повелителем правоверных, бродили вечером по улицам, мы знали его визиря Джафара, как самих себя, – словом, мы жили в сказках, подобно тому как ночью живут в снах, и не было для нас за весь день лучшей поры, чем те вечера, когда мы собирались на лужайке и старый невольник заводил свой рассказ. Но скажи нам, старец, в чем, собственно, причина того, что тогда мы столь охотно слушали сказки, что еще и поныне нет для нас времяпрепровождения приятней? В чем, собственно, кроется великое очарование сказки?

– Сейчас скажу, – ответил старик. – Ум человеческий еще легче

и подвижной воды, принимающей любую форму и постепенно проникающей в самые плотные предметы. Он легок и волен, как воздух, и, как воздух, делается тем легче и чище, чем выше от земли он парит. Поэтому в каждом человеке живет стремление вознестись над повседневностью и легче и вольнее витать в горних сферах, хотя бы во сне. Сами вы, мой молодой друг, сказали: «Мы жили в тех рассказах, мы думали и чувствовали вместе с теми людьми», — отсюда и то очарование, которое они имели для вас. Внимая рассказам раба, вымыслу, придуманному другим, вы сами творили вместе с ним. Вы не задерживались на окружающих предметах, на обычных своих мыслях, — нет, вы все переживали: это с вами самими случались все чудеса, — такое участие принимали вы в том, о ком шел рассказ. Так ваш ум возносился по нити рассказа над существующим, казавшимся вам не столь прекрасным, не столь привлекательным, так ваш дух витал вольней и свободнее в неведомых горных сферах; сказка становилась для вас явью, или, если угодно, явь становилась сказкой, ибо вы творили и жили в сказке.

— Я вас не вполне понимаю, — возразил молодой купец, — но вы правы, говоря, что мы жили в сказке или сказка жила в нас. Я помню еще ту блаженную пору; все свободное время мы грезили наяву: мы воображали, будто нас прибило к пустынным, необитаемым островам, совещались, что предпринять, чем поддержать нашу жизнь, и часто сооружали мы хижины в диких ивовых зарослях, из жалких плодов готовили себе скудную трапезу, хотя в сотне шагов оттуда, дома, мы могли получить все самое лучшее, — да, была пора, когда мы ожидали появления доброй феи или чудесного гнома, которые подошли бы к нам и сказали: «Сейчас разверзнется земля, соблаговолите тогда сойти в мой хрустальный дворец и откусать тех яств, что подадут вам мои слуги — мартышки».

Юноши рассмеялись, но согласились, что приятель их говорит сущую правду.

— Еще и поныне, — сказал один из них, — еще и поныне подпадаю я иногда прежним чарам; так, например, я сильно рассердился бы на брата за глупую шутку, если бы он ворвался ко мне и сказал: «Слыхал о несчастье с соседом, толстым булочником? Он

повздорил с волшебником, и тот из мести превратил его в медведя; и теперь он лежит у себя в комнате и отчаянно ревет». Я б рассердился и обозвал его вралем. Но совсем другое дело, если бы мне поведали, что толстый сосед предпринял далекое странствие в чужие, неведомые края, там попался в руки к волшебнику, а тот обратил его в медведя. Я постепенно перенесся бы в рассказ, странствовал бы вместе с соседом, переживал бы чудеса, и меня бы не очень удивило, если бы он оказался засунутым в шкуру и ходил бы на четвереньках.

– И все же, – сказал старик, – существуют весьма занимательные рассказы, где не появляются ни феи, ни волшебники, ни хрустальные замки, ни духи, подающие редкостные яства, ни птица Рок, ни волшебный конь – это рассказы другого рода, не те, что обычно зовутся сказками.

– Что вы под этим подразумеваете? Объясните получше. Другого рода, чем сказки? – спросили юноши.

– Я думаю, надо делать известное различие между сказкой и теми рассказами, которые обычно зовутся новеллами. Если я скажу, что собираюсь рассказать вам сказку, то вы заранее будете рассчитывать на приключение, далекое от повседневной жизни и происходящее в мире, природа которого отличается от земной. Или, говоря ясней, в сказке вы сможете рассчитывать на появление других существ, а не только смертных людей; в судьбу героя, о котором повествует сказка, вмешиваются неведомые силы, феи и волшебники, духи и повелители духов; весь рассказ облекается в необычную, чудесную форму и выглядит примерно так, как наши тканые ковры и рисунки наших лучших мастеров, которые франки зовут арабесками. Правоверному мусульманину запрещено греховно воссоздавать в рисунках и красках человека, творение Аллаха; поэтому на этих тканях мы видим замысловато переплетающиеся деревья и ветви с человеческими головами, людей, переходящих в куст или рыбу, – словом, фигуры, напоминающие обычную жизнь и все же необычные; вы меня понимаете?

– Мне кажется, я догадываюсь, – сказал писец. – Но продолжайте.

– Такова сказка: чудесная, необычная, неожиданная; так как она

далека от повседневной жизни, то ее часто переносят в чужие края или в далекую, давно минувшую пору. У каждой страны, у каждого народа есть такие сказки – у турок и у персов, у китайцев и монголов, даже в стране франков, как говорят, много сказок, по крайней мере, так мне рассказывал один ученый гяур; но они не столь хороши, как наши, так как прекрасных фей, обитающих в великолепных дворцах, у них заменяют колдуньи, которых они зовут ведьмами, злобные уродливые существа, живущие в жалких лачугах и вскачь несущиеся через туман, верхом на помеле, вместо того чтобы плыть по небесной лазури в раковине, запряженной грифонами. У них водятся и гномы, и подземные духи, – крохотные нескладные уродцы, которые любят играть злые шутки. Таковы сказки. Совсем иного рода рассказы, которые обычно зовутся новеллами. Они мирно свершаются на земле, происходят в обыденной жизни, и чудесна в них только запутанная судьба героя, который богатеет или беднеет, складывается удачно или неудачно не при помощи волшебства, заклятия или проделок фей, как это бывает в сказках, а благодаря самому себе или странному сплетению обстоятельств.

– Правильно, – подхватил один из юношей. – Такие истории, без всякой примеси чудесного, встречаются и в прекрасных рассказах Шахразады, известных под названием «Тысячи и одной ночи». Большинство приключений султана Гаруна аль-Рашида и его визиря такого рода. Переодевшись, покидают они дворец и сталкиваются с тем или иным необычайным явлением, в дальнейшем разрешающимся вполне естественно.

– И все же вам придется признать, – продолжал старик, – что эти новеллы – не худшая часть «Тысячи и одной ночи». А между тем как отличаются они от сказок о принце Бирибинкере, или о трех одноглазых дервишах, или о рыбаке, вытащившем из моря кубышку, припечатанную печатью Соломона! Но в конечном счете очарование сказки и новеллы проистекает из одного основного источника: мы переживаем нечто своеобразное, необычное. В сказках это необычное заключается во вмешательстве чудесного и волшебного в обыденную жизнь человека; в новеллах же все случается, правда, по естественным законам, но поразительно необычным образом.

– Странно, – воскликнул писец, – странно, что естественный ход вещей в новеллах привлекает нас так же, как и сверхъестественное в сказках! В чем тут дело?

– Дело тут в изображении отдельного человека, – ответил старик, – в сказке такое нагромождение чудесного, человек так мало действует по собственной воле, что отдельные образы и характеры могут быть обрисованы только бегло. Иное в обычных рассказах, где самое важное и привлекательное – то искусство, с каким переданы речь и поступки каждого, сообразно его характеру.

– Поистине, вы правы! – ответил молодой купец. – Я ни разу не удосужился подумать об этом как следует, смотрел и слушал, ни на чем не останавливаясь, порой забавляясь, порой скучая, – не знаю, собственно, почему. Но вы даете нам ключ к загадке, пробный камень, дабы мы сделали пробу и вынесли правильное суждение.

– Всегда поступайте так, – ответил старик, – и наслаждение для вас возрастет, когда вы научитесь размышлять над тем, что слышали. Но глядите, вон подымается следующий рассказчик. Так оно и было. И другой раб начал:

[Сказка Молодой англичанин](#)

[*] – *Отче наш* (лат.).

 Загрузка...